

Юрий АЙЗЕНШПИС:

«У меня нет конкурентов»

Окончание. Начало на стр. 1

— Юрий Шмилевич, вы недавно разменяли седьмой десяток. Ощущаете возраст?

— Я ощущаю себя вечно молодым.

— Очень заметно, что вы похудели...

— Я похудел не потому, что хотел похудеть и стал придерживаться какой-то диеты. Это помогает мне бороться с моим диабетом.

— У вас ничего не напутано с отчеством? Насколько я знаю, нет такого имени Шмил, есть Шмуль.

— Вы правы, правильно будет Юрий Шмульевич, есть такое еврейское имя Шмуль. Отец рассказывал мне, что когда он получал паспорт, то кагэбэшник перепутал и записал его имя Шмил. Меня еще иногда называют по-татарски Юрий Шамильевич.

— Вы уже много лет в шоу-бизнесе и знаете все и всех. Скажите, не похожи ли конкурсы молодых исполнителей на торги продюсеров?

— Не могу сказать про все конкурсы и фестивали, хотя в принципе это не исключено. Наш шоу-бизнес, мягко говоря, корпоративен, или, можно сказать, коррумпирован.

— Вы так откровенно это говорите?

— А как же иначе? Разве коррумпированность и корпоративность — это не одно и то же? Если для достижения корпоративных целей все средства хороши, значит, это коррупция. Взять те же самые конкурсы. У нас нет ни одной независимой компании, которая проводила бы независимый конкурс — так, как это делается за границей.

— Из всех ваших проектов только группа «Кино» была не поповой, остальное — попса. Почему?

— Что значит попса? Музыка Цоя — тоже популярная музыка. У нас все время как-то странно разделяют: если группа гитарная, то это рок, а если гитар нет, то это уже попса. На самом деле все не так. Я один из немногих, кто знает эволюцию музыки. Никакой другой продюсер не знает лучше меня рок- или поп-музыку. В молодости я был страшный меломан, и у меня была уникальная в Москве коллекция виниловых дисков — около семи тысяч. Я не просто их коллекционировал, я все прочувствовал.

— Вы хотите сказать, что Цой и Сташевский равнозначны?

— Конечно, нет. Цой был натуральным музыкантом, а Сташевский — продукт шоу-бизнеса. В случае со Сташевским я хотел всем доказать роль продюсера. Впервые назвал себя продюсером, когда стал работать с Цоем. Когда он погиб, мне надо было чем-то заниматься, и я решил сделать такой

ИТАР-ТАСС

проект: найти человека, который даже не мечтал бы о карьере артиста, и сделать из него звезду.

— Насколько жесткая конкуренция среди продюсеров?

— Об этом можно говорить очень много. Помните, была такая премия «Овация»? Состоялось десять церемоний этой премии, и семь раз я получал ее в номинации «Лучший продюсер». Я этим нисколько не козыряю, потому что «Овация», как и другие премии, дискредитировала себя. Сейчас уже не секрет, что призы на последних церемониях продавались чуть ли не с молотка. Но я ни одну из семи врученных мне премий не покупал — меня награждали. Конкуренции я не ощущаю. Есть удачные проекты, есть менее удачные. Главное, что я считаю себя независимым продюсером, в этом и есть основа моего «я». Ни от кого не завишу, хотя в таких условиях, которые есть сейчас, мне приходится весьма сложно.

— Почему вы все время расстаетесь с теми, с кем работали?

— Ничего вечного не бывает. Дети тоже уходят из семьи. Вырастают и уходят. Иной раз они даже не пишут и не звонят родителям. У меня заканчивается контракт с артистами, и они вправе поступать так, как сами того хотят. Никиту я освободил раньше окончания контракта по его просьбе. С группой «Динамит» у меня контракт был на пять лет, и они изъявили желание его продолжить. Дима Билан — один из самых удачных проектов последних лет, в рейтингах он человек номер один. Недавно получил премию «Золотой граммофон».

— Не получается, что и про эту премию выяснится что-то такое, как про «Овацию»?

— Об этом, наверное, можно говорить, но я не имею никаких контрактов с «Золотым граммофоном». У меня нет никаких обязательств ни перед организаторами этой премии, ни перед Первым каналом. Я вообще независимый человек. Тем почетнее была эта победа.

— Вы как-то рассказывали, какими убежденными коммунистами были ваши родители. Имея таких родителей, почему вы стали заниматься валютными махинациями? Ведь это так называлось в то время?

— Это называлось по-другому — нарушение валютных операций. Раньше была монополия государства на все, даже на идеологию. Человек был обязан мыслить по-ленински, инакомыслие преследовалось. Коммерческая сделка тоже была монополией государства, и слова «бизнес» не существовало. Только государство имело право торговать, получать прибыль и присваивать ее себе. Сейчас считается нормой, что человек занимается бизнесом, а тогда были мракобесные законы.

— Вспомните, что еще были расстрельные статьи за те же валютные махинации. Не боялись, что и вас могли подвести под расстрел?

— Когда меня судили, прокурор требовал 15 лет с конфискацией имущества. Но дали 10. Вот так жестоко меня наказали.

— Как 10? Вы же 17 лет провели в лагерях.

— Еще семь лет я получил во второй раз. И тоже за нарушение валютных операций. Потом меня оправдали по всем статьям.

— После этого вы занялись продюсированием? Ни с того, ни с сего?

— Практически я занимался тем же, чем до того, как попал в тюрьму. Было только одно отличие — я стал делать это легально. Сумел построить определенные отношения с людьми, найти с ними контакт. У меня была целеустремленность и большая работоспособность. Я не был членом какого-то профсоюза и работал круглые сутки.

— Не хотелось бы попробовать себя как продюсера в кино, в театре или на телевидении?

— С удовольствием попробовал бы это, но сейчас пришло время узкой специализации. Правда, это не значит, что я не смогу руководить заводом. Смогу. Мне даже предлагали, но я отказался, потому что всегда занимался эстрадой. Наверное, смог бы руководить и банком, но это вряд ли будет мне нравиться. Я занимаюсь и хочу дальше заниматься своим любимым делом...

Андрей МОРОЗОВ